

№ 3

ИЗУЧЕНІЕ СОЦІОЛОГІИ

ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

И. А. ГОЛЬДСМИТА.

Т. II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „ЗНАНІЕ“.

1875.

(95)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗУЧЕНІЕ СОЦІОЛОГІИ.

	СТР.
ГЛАВА ІХ.	
Патріотическая точка зрѣнія	307
ГЛАВА Х.	
Сословные предрассудки	361
ГЛАВА ХІ.	
Политическія воззрѣнія	393
ГЛАВА ХІІ.	
Догматическія воззрѣнія	437
ГЛАВА ХІІІ.	
Умственная дисциплина	471
ГЛАВА ХІV.	
Біологическая подготовка	491

ГЛАВА XV:

Психологическая подготовка	535
--------------------------------------	-----

ГЛАВА XVI.

Заключение	577
----------------------	-----

Примѣчанія	605
----------------------	-----

ГЛАВА IX.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРѢНІЯ.

ГЛАВА IX.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРѢНІЯ.

„Хорошо-ли оно, дурно-ли, но это наше, родное“, вотъ мысль, часто высказываемая по ту сторону Атлантическаго океана; и — если память не обманываетъ меня — такая же мысль была выражена и въ англійской палатѣ общинъ ли-цонъ, которое пользуется, или, по крайней мѣрѣ, нѣкогда пользовалось, репутаціей весьма разумнаго радикала.

Человѣкъ съ подобнымъ взглядомъ не обладаетъ тѣмъ равно-вѣсіемъ чувства, которое требуется для того, чтобы отно-ситься научнымъ образомъ къ социальнымъ явленіямъ. Для достиженія тѣхъ обдуманнхъ приговоровъ относительно хода человѣческихъ дѣлъ вообще, которые составляютъ социологію, существенно необходимо прежде всего видѣть положеніе вещей независимо отъ личныхъ и національных интересовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взять какой нибудь отдален-ный отъ насъ примѣръ. Спросите — какъ смотрятъ члены какого либо первобытнаго племени на потокъ цивилизаціи, смывающій

ихъ съ лица земли. Спросите—что говорили сѣверо-американскіе индѣйцы о распространеніи бѣлой расы на ихъ территорияхъ, или что думали древніе бритты о вторженіяхъ иноземцевъ, лишившихъ ихъ обладанія Англіей,—и для васъ сдѣлается яснымъ, что событія, которыя, будучи рассматриваемы съ національной точки зрѣнія, считались ступенями къ высшей жизни, казались съ національной точки зрѣнія рѣшительнымъ зломъ. Допустивъ справедливость этого положенія, которую такъ легко замѣтить въ приведенныхъ примѣрахъ, мы должны согласиться, что социологическія истины, которымъ нѣтъ дѣла до отдѣльныхъ націй или племенъ, мы постигнемъ только по мѣрѣ того, какъ отрѣшимся отъ предрасудковъ патріотизма и будемъ смотрѣть на наше собственное общество, какъ на одно изъ многихъ, имѣющихъ свою исторію и будущность, допуская, что, можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ болѣе правъ, чѣмъ мы, на обладаніе землею.

Эманципировать себя такимъ образомъ—въ высшей степени трудно. О патріотизмѣ можно сказать то же самое, что мы замѣтили относительно чувства, служащаго причиною политической подчиненности: самое существованіе общества предполагаетъ преобладаніе ея. Эти два чувства производятъ вмѣстѣ ту социальную связь, безъ которой не можетъ существовать совокупное дѣйствіе и организація. Национальность сдѣлалась возможною только вслѣдствіе того чувства, которое единицы питаютъ къ образуемому ими цѣлому. Дѣйствительно, мы можемъ сказать, что это чувство постепенно возросло вслѣдствіе постоянного уничтоженія типовъ людей, которыхъ привязанность къ ихъ обществамъ была относительно слаба, и которые поэтому не были способны приносить достаточныя жертвы въ пользу этихъ послѣднихъ. Здѣсь, въ свою очередь,

намъ приходится вспомнить, что гражданинъ самымъ включеніемъ себя въ какой-нибудь политическій организмъ въ значительной степени принуждается къ такимъ чувствованіямъ и вѣрованіямъ, которыя способствуютъ къ сохраненію этого тѣла: оно не можетъ быть сохранено, пока не явится нѣкоторый средній уровень этихъ чувствъ. Отсюда происходитъ другое препятствіе на пути соціальной науки: мы должны принять въ расчетъ заблужденія, истекающія изъ чувства патриотизма.

Патриотизмъ въ національномъ смыслѣ есть то же, что эгоизмъ въ смыслѣ индивидуальномъ. Дѣйствительно, первый имѣетъ одинъ и тотъ же корень съ послѣднимъ, и со сходственными благодѣяніями приноситъ и сходственные бѣдствія. Уваженіе къ своему обществу есть рефлексъ, отблескъ уваженія къ самому себѣ; признаніе правъ чьего-либо общества есть косвенное признаніе правъ принадлежащей къ нему личности, какъ части цѣлаго. Гордость, которую чувствуетъ гражданинъ по поводу какого либо національнаго подвига, есть гордость, возбуждаемая принадлежностью его къ націи, способной къ такому подвигу: въ принадлежности его къ подобной націи заключается безмолвное предположеніе, что и въ немъ самомъ существуетъ превосходство природныхъ качествъ. Гнѣвъ, возбуждаемый въ немъ нападеніемъ на его націю, есть гнѣвъ противъ дѣйствія, которое, оскорбляя націю, грозитъ оскорбить и его самого.

Какъ недавно мы видѣли, что направленный надлежащимъ образомъ эгоизмъ необходимъ, такъ и теперь мы можемъ видѣть необходимость надлежащимъ образомъ направленного патриотизма. Чрезмѣрное самоуваженіе производитъ

два рода зла: возбуждая непомѣрную личную притязательность, оно порождаетъ придиричивость и антагонизмъ; создавая несоотвѣтственную оцѣнку личныхъ способностей, оно возбуждаетъ суетныя усилія, оканчивающіяся катастрофами. Недостатокъ самоуваженія производитъ два противоположныхъ этому рода зла: не заявляя личныхъ правъ и, такимъ образомъ, питая эгоизмъ въ другихъ, оно привлекаетъ нападеніе; не оцѣнивая надлежащимъ образомъ личныхъ способностей, оно лишаетъ и тѣхъ благъ, которыхъ возможно достигнуть. То же самое происходитъ и съ патриотизмомъ. Излишество въ немъ имѣетъ своимъ результатомъ національную заносчивость и національное тщеславіе. Недостатокъ въ немъ влечетъ за собою недостаточную склонность къ поддержанію национальныхъ правъ, что, въ свою очередь, ведетъ къ нарушеніямъ ихъ со стороны другихъ націй; съ этимъ же соединена низкая оцѣнка национальныхъ способностей и учреждений, лишающая бодрости, необходимой для энергіи и прогресса.

Насъ касаются здѣсь болѣе тѣ вліянія патриотическаго чувства, которыя дѣйствуютъ на убѣжденіе, чѣмъ тѣ, которыя дѣйствуютъ на образъ дѣйствій. Какъ несоразмѣрный эгоизмъ, извращая понятія человека о себѣ самомъ и о другихъ, искажаетъ его заключенія относительно человѣческой природы и человѣческихъ дѣйствій, такъ несоразмѣрный патриотизмъ, извращая его понятія о его обществѣ и о другихъ обществахъ, искажаетъ его заключенія относительно свойствъ и дѣйствій обществъ. А отъ противоположныхъ крайностей происходятъ противоположныя извращенія, которыя, однакоже, сравнительно рѣдки и гораздо менѣе вредны.

Здѣсь мы доходимъ до одного изъ многихъ случаевъ, въ которыхъ коллективная совѣсть оказывается менѣе развитою,

чѣмъ совѣсть индивидуальная. Между тѣмъ какъ излишество эгоизма повсюду считается недостаткомъ, излишество патриотизма нигдѣ не признается таковымъ. Человѣкъ, сознающій ошибки въ своихъ собственныхъ поступкахъ и недостатки своихъ способностей, выказываетъ этимъ черту характера, считающуюся достойною похвалы; но если мы допускаемъ, что наши поступки относительно другихъ націй были несправедливы, то это сознаніе приписывается, какъ непатріотичное. Защита дѣйствій другого народа, съ которымъ у насъ вышло недоразумѣніе, кажется большей части гражданъ чѣмъ-то похожимъ на измѣну, и они употребляютъ оскорбительныя сравненія, касающіяся птицъ и ихъ гнѣздъ, осуждая тѣхъ, которые приписываютъ неправильный образъ дѣйствій скорѣе нашему народу, чѣмъ тому, съ которымъ у насъ возникли несогласія. Они не только обнаруживаютъ неограниченное господство этого рефлективного эгоизма, изъ котораго образуется патриотизмъ,—не только не видятъ ничего предосудительнаго въ томъ, чтобы давать волю этому чувству, а напротивъ, считаютъ достойными порицанія тѣхъ, которые его сдерживаютъ и стараются смотрѣть на предметъ, такъ сказать, съ двухъ сторонъ. Судите же, какъ серьезно пристрастный патриотизмъ, искажая наши сужденія относительно международныхъ дѣйствій, неизбежно искажаетъ наши приговоры относительно свойствъ другихъ обществъ и, такимъ образомъ, извращаетъ соціологическіе выводы.

Мы должны остерегаться такого пристрастія. Для этой цѣли возьмемъ нѣсколько примѣровъ заблужденій, которые слѣдуетъ отнести къ нему.

Какія ошибочныя оцѣнки другихъ племенъ могутъ проис-

ходить отъ слишкомъ высокаго мнѣнія о своемъ собственномъ племени,—это можетъ быть въ высшей степени наглядно показано примѣромъ, гдѣ насъ самихъ весьма низко цѣнить раса, на которую мы смотримъ свысока. Я говорю о племени негровъ:

«Они забавлялись, замѣчая изподтишка «бѣлый человекъ—это старая обезьяна». Африканецъ говоритъ объ европейцѣ: «онъ похожъ на людей», и отвѣтъ часто бываетъ такой: «нѣтъ, не похожъ»... Между тѣмъ какъ кавказецъ сомнѣвается въ человѣческой природѣ хамита, этотъ послѣдній платитъ ему тѣмъ же» ¹⁾).

Неужели кто-нибудь сочтетъ этотъ примѣръ столь далекимъ отъ обычной стези заблужденія, что онъ не можетъ имѣть для насъ ничего поучительнаго? Чтобы убѣдиться въ противномъ, ему стоитъ только взглянуть на тѣ карикатуры французовъ, которыя были въ большомъ ходу у минувшаго поколѣнія, или вспомнить распространенное тогда въ народѣ мнѣніе о сравнительныхъ силахъ французовъ и англичанъ. Подобныя воспоминанія убѣдятъ его, что рефлективное самоуваженіе, которое мы называемъ патріотизмомъ, имѣло у самихъ насъ достаточно поразительныя извращающія вліянія. Даже и теперь существуютъ подобныя мнѣнія, которыя, при внимательномъ ихъ разсмотрѣніи, не подтверждаются фактами; на примѣръ, мнѣніе относительно красоты лица. Что предразсудокъ, производящій такимъ образомъ неправильныя сужденія въ случаяхъ, гдѣ онъ сдерживается непосредственнымъ указаніемъ чувствъ, ведетъ къ еще болѣе неправильнымъ сужденіямъ тамъ, гдѣ прямое чувственное воспріятіе не можетъ ему препятствовать,—это не требуетъ доказательствъ. Какъ велики порождаемыя имъ ошибки—это показываютъ намъ всѣ исторіи національныхъ распрей, какъ тѣмъ противорѣчивыми

опѣнками, которыя двѣ стороны взаимно составляютъ относительно своихъ вождей, такъ и противорѣчивыми опѣнками, которыя обѣ стороны составляютъ относительно ихъ дѣйствій. Возьмемъ примѣръ:

«Относительно свойствъ, благодаря которымъ Уэллсъ впервые сдѣлался устрашающимъ, существующіе въ литературѣ рассказы представляютъ поразительныя противорѣчія. У хроникеровъ его собственной страны, писавшихъ послѣ войны за независимость, онъ возведенъ на вершину великодушія и героизма. Въ глазахъ англійскихъ современныхъ ему лѣтописцевъ, онъ является закоренѣлымъ злодѣемъ, возмутителемъ общественнаго мира, нарушителемъ всѣхъ законовъ и общественныхъ обязанностей, и даже разбойникомъ, главою одной изъ многихъ шайкъ разбойниковъ и грабителей, которые наводняли въ то время Шотландію»²⁾).

Что обѣ руку съ такими противоположными искаженіями взгляда на значительныя личности идутъ противоположныя искаженія взгляда на образъ дѣйствій народовъ, къ которымъ они принадлежать, — это показываютъ повѣствованія о каждой войнѣ. Подобно односторонности, выказывающейся въ нашемъ обществѣ между протестантами при воспоминаніи только о жестокостяхъ католиковъ и между католиками при воспоминаніи только о жестокостяхъ протестантовъ, односторонность оказывается и въ преданіяхъ, сохраняемыхъ каждою націею относительно варварскихъ поступковъ тѣхъ народовъ, съ которыми ей приходилось вести войну. Какъ въ старыя времена норманы, будучи мстительны сами, поражались мстительностью англичанъ, къ которымъ они попадали въ руки, такъ въ новѣйшее время французы весьма распространялись на счетъ звѣрствъ, содѣянныхъ испанскими герильясами, а русскіе насчетъ звѣрствъ со стороны черкесовъ. Въ этомъ столкновеніи взглядовъ людей, совершающихъ звѣрскіе по-

стѣпки, и людей, надъ которыми они совершаются, мы ясно усматриваемъ предразсудокъ патріотизма, въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ стороны намъ чужды; но мы не замѣчаемъ его тамъ, гдѣ мы сами заинтересованы въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ. Каждый немолодой англичанинъ помнитъ раздававшіеся въ Англіи упреки, когда французы въ Алжирѣ такъ жестоко обходились съ непокорными арабами, разводя костры у отверстій пещеръ, въ которыхъ скрывались эти послѣдніе; но мы не усматриваемъ подобнаго же варварства въ дѣйствіяхъ нашихъ соотечественниковъ въ Индіи, напр., въ разстрѣляніи мятежныхъ сипаевъ цѣлыми группами и потомъ въ подожженіи кучи этихъ несчастныхъ, когда не всѣ они оказывались мертвыми ³⁾, или въ бомбардированіи и сожженіи гуртомъ всѣхъ домовъ, послѣ подавленія возстанія на о. Ямаикѣ. Послушайте, что говорится о подобныхъ поступкахъ въ нашихъ собственныхъ колоніяхъ, и вы узнаете, что ихъ обыкновенно оправдываютъ необходимостью минуты. Послушайте, что говорится о подобныхъ поступкахъ, когда въ нихъ виновны другія націи, и вы услышите, какъ тѣ же самыя лица съ негодованіемъ объявляютъ, что никакая изъ приводимыхъ необходимостей не можетъ служить оправданіемъ. Мало того, патріотическій предразсудокъ производитъ еще болѣе крайнія искаженія приговоровъ. Мы провозглашаемъ чувства и дѣйствія доблестными, когда они не противорѣчатъ нашимъ интересамъ и нашему могуществу, и считаемъ ихъ порочными, когда они угрожаютъ этимъ послѣднимъ. Въ мионическомъ сказаніи о Вильгельмѣ Телѣ и въ каждомъ не-мионическомъ повѣствованіи, мы съ пламеннымъ восторгомъ читаемъ объ успѣшномъ возстаніи какого-нибудь угнетеннаго племени, но восторгъ превращается въ негодованіе, если племя находится

подъ нашею собственною властью. Мы не въ состояніи видѣть ничего, кромѣ преступленія, въ стараніи индусовъ сбросить наше иго, и не допускаемъ никакого извиненія для усилій ирландцевъ установить свою независимую національность. Мы совершенно игнорируемъ тотъ фактъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ побужденія одинаковы и должны быть обсуждаемы независимо отъ результатовъ.

Предразсудокъ, который такимъ образомъ затемняетъ понятія даже о физической наружности, который необычайнымъ образомъ искажаетъ наши мнѣнія о важнѣйшихъ противникахъ и ихъ дѣйствіяхъ, который заставляетъ насъ порицать строгости и жестокости, совершаемыя другими, и одобрять ихъ, когда онѣ совершаются нашими собственными агентами, и который заставляетъ насъ считать дѣйствія, въ сущности одинаковаго рода, несправедливыми или справедливыми, смотря по тому, направлены ли они противъ насъ, или нѣтъ,—есть предразсудокъ, неизбѣжно извращающій наши соціологическія идеи. Учрежденія презираемаго народа не могутъ быть обсуждаемы безпристрастно; и если, какъ это часто случается, презрѣніе неосновательно, или основательно только отчасти, то и достоинство его учрежденій будетъ, навѣрное, оцѣнено слишкомъ низко. Когда антогонизмъ породилъ ненависть къ другой націи, а затѣмъ и желаніе оправдать эту ненависть, приписывая гнусныя свойства членамъ этой націи,—то и политическое устройство, среди котораго они живутъ, религія, которую они исповѣдуютъ, и обычаи, которые имъ свойственны, неизбѣжно соединяясь въ нашихъ мысляхъ съ этими ненавистными качествами, сами дѣлаются ненавистными и потому не могутъ быть изучаемы съ тѣмъ спокойствіемъ, какого требуетъ наука.